

А СУДЬИ КТО?

В.Н. Грищенко

Who are judges? - V.N. Grishchenko. - Berkut. 7 (1-2). 1998. - Use of aesthetic criteria in nature conservation is discussed. Development of some images and approaches in the human history is described.

Key words: bird conservation, aesthetics, criteria.

Address: V.N. Grishchenko, Kanev Nature Reserve, 258300 Kanev, Ukraine. e-mail: vitaly@aquila.freenet.kiev.ua.

Использование эстетических критериев в охране птиц и природы в целом особых возражений у специалистов не вызывает. Вопрос только в том, как и в каких масштабах их применять. В.Е. Борейко склонен абсолютизировать эстетический подход. Его тезис “наиболее красивые птицы имеют наибольшие права на жизнь” не годится ни для тактики, ни для стратегии. Аргументация должна быть корректной с научной и этической точки зрения. Мысль, положенная в основу этого утверждения, проста и понятна: красота птиц так же может быть основой для их охраны, как и “полезность”, редкость или другие критерии. Но в том виде, в каком она была сформулирована, все уже доведено до абсурда. В.Е. Борейко совершенно не подумал о том, что этот тезис применим и в обратную сторону — “наименьшее право на жизнь”. Вообще это можно было бы считать просто случайной неудачной фразой, но В.Е. Борейко снова повторяет это утверждение в своей книге (Борейко, 1997) и пытается его отстаивать, поэтому приходится к нему возвращаться.

С моей точки зрения вообще не человеку решать о “праве на жизнь” какого-либо существа, тем более вида в целом. Оно дано от рождения и не нами. Но давайте опустимся до уровня среднего обывателя или чиновника, от которого зависит принятие решений. Человек мнит себя “царем природы”. Так вот, властитель, решающий, кому жить, а кому — не обязательно, на основании единственного, причем совершенно субъективного и выбранного по своему желанию критерия, это уже сумасбродный тиран. Человек, по большому счету, таковым и является по отношению к природе. Но зачем же становиться на эту позицию природоохранникам?

Уродливая фигурка “неолитической мадонны” для археолога не менее (если не более) ценна, чем статуи Родена. Любой художественный музей выложит немалую сумму за незавершенный эскиз Леонардо да Винчи или Рафаэля, хотя “эстетическую ценность” в нем усмотреть трудно. Все это имеет “меньшие права на жизнь”? Я уже не говорю о природе. Здесь все неповторимо и взаимосвязано.

Теперь о критериях красоты. Может и можно найти объективные параметры “идеально” прекрасного. Архитекторам, художникам, дизайнерам хорошо известно понятие “золотого сече-

ния”. Но далеко не все творения, созданные с использованием его, прекрасны, так же как и не во всех прекрасных произведениях реализован этот старый как мир принцип. Не так уж редко само отступление от шаблона порождает красоту. Проблема, однако, заключается в том, что никто не заставит человечество следовать “объективным” критериям красоты. А ведь о них говорили еще мудрецы Древней Греции. Простой человек знает один критерий: “нравится”. А он меняется вместе с самим человеком и реалиями его жизни. Простой пример из наших дней. Сколько ни твердят искусствоведы и критики об уродливости так называемой “массовой” культуры, о примитивизме “мыльных опер” и эстрадных шлягеров, почитателей у них от этого меньше не становится.

Давайте проследим развитие некоторых образов и представлений. Если современную девушку назвать нимфой, она не обидится. В нашем понимании, пришедшем из античных времен, нимфа — это прекрасная, вечно неувядающая женщина. А между тем когда-то все было совсем не так. Первоначально природа для человека была наполнена страшными и непонятными силами. В Древней Греции она получила умиротворение и поэтизацию лишь с развитием общества. Нимфы рек и озер раньше представляли собой ужасающие страшилища, от которых человек не знал куда деться. Лишь когда возросла его мощь и появилась определенная власть над природой, человек стал находить в ней красоту и использовать ее. Нимфы обрели красивый милый вид, их стали поэтически воспевать (Лосев, 1957). Хтонические чудовища, олицетворяющие необузданную мощь природы, появились в мифологии гораздо раньше, чем всевозможные герои, пророки и другие положительные персонажи. Причем восприятие нимф менялось и впоследствии. По христианским канонам это мерзкие бесы, от которых нужно держаться подальше. Лишь с эпохой Возрождения нимфа снова стала олицетворением женской красоты.

Любоваться красотой и величием тигра можно лишь в том случае, если уверен, что он тебя не сожрет. Когда видишь на таежной тропе вечером свежий след тигра, это впечатляет. Не обязательно появляется страх, но уж настороженность точно. Эстетическая сторона вопроса при этом как-то отходит на второй план. Кому сложно

добраться до тигра, может подойти к сидящей на цепи злой собаке. Интересно, какую глубину эстетического наслаждения вы сможете испытать с расстояния в 1–2 м от нее.

На протяжении веков изменялся и подход к женской красоте. Посмотрите, например, на картины Рубенса. Толстые мясистые тетки не вызывают особого восхищения у наших современников. Вспомните Некрасовских женщин: “Коня на скаку остановит”. Это ж какая бабища должна быть! С другой стороны, нынешние худосочные длинноногие красавицы вызвали бы лишь сострадание у русского крестьянина прошлого века. По его представлениям, женщина должна быть крепкой и хорошо упитанной, чтобы родить и выкормить здоровое потомство. Критерии изменились вместе с переменами в жизни, как и в случае с нимфами.

Вот здесь мы снова подошли к объективным критериям. И. Ефремов в “Лезвии бритвы” говорит о красоте как физической целесообразности. Об этом же пишет и зоолог Ф. Родригес де ла Фуэнте (1972): “В совершеннейшем механизме эволюции красота стоит на службе естественного отбора и отражает безупречное функционирование организма”. Другими словами, красив тот организм, который безупречно функционирует. Несколько приземленно и далековато от понятия об “идеальной” красоте, но вполне применимо.

Легко заметить, однако, что этот критерий работает только в том случае, если отбором “красивых” и “некрасивых” занимается сама природа. Именно от этого отбора и “функциональной” красоты зависит “право на жизнь”. Вмешательство человека переворачивает все вверх тормашками. Так, многие декоративные (т. е. выведенные специально для украшения) формы животных и растений совершенно уродливы с точки зрения функционирования организма и существовать без внешней поддержки не могут.

Вернемся от теории к применению эстетического подхода в охране природы на практике. Боюсь, что все объективные критерии красоты и рассуждения об идеальной ценности мало помогут “прошибить” упрямого чиновника или недалекого обывателя, на что так рассчитывает В.Е. Борейко. Его как раз легче “доконать” вполне материальными аргументами: глобально угрожаемый вид, реликтовая форма, эндемик, катастрофическое падение численности и т. д. В этом чиновник ничего не понимает и опровергать не станет. Но вы вряд ли найдете человека, который бы согласился, что он не разбирается в красоте. И критерий у него будет один: “нравится — не нравится”. Когда же свято верящему в свою компетентность и непогрешимость чиновнику начнут рассказывать о красоте болота или пустыря... Желаю удачи!

Как и В.Е. Борейко, мне нравится предложенное В.В. Дежкиным дополнение в Закон “Об охране животного мира”. Чтобы убедиться в том, что оно не противоречит моему утверждению о первичности этики, достаточно просто перечитать приведенную в статье В.Е. Борейко цитату. В ней сначала говорится о гуманности, а уже потом о красоте. В обществе, которому чуждо понятие гуманизма, основанном на других этических принципах, идею В.В. Дежкина в лучшем случае просто не поймут.

И еще о первичности и вторичности. Ни сирены*, ни Лорелея не относятся к положительным персонажам, хотя имели невыразимо прекрасные голоса. Просто он вел людей к гибели. Одиссей и аргонавты, помнится, предпочли с этой красотой разминуться. Если абстрагироваться от мифологичности персонажей, вопрос можно поставить так: как быть с красотой, которая убивает? Изысканностью и совершенством кинжала можно любоваться в музее, но не тогда, когда он приставлен тебе к горлу. Ракета с ядерной боеголовкой у нормального человека не вызывает эстетического восхищения, несмотря на все пропорции, “безупречное функционирование” и т. д. Бог с ними, с ракетами, но как быть с подобной красотой в природе? Разве не величественны и неповторимы гигантская волна цунами, извержение вулкана или шаровая молния? Почему нельзя любоваться необузданной мощью шторма? На картинах Айвазовского буря смотрится очень даже неплохо. Должны ли мы все это считать прекрасным (по объективным или субъективным критериям) и стремиться сохранить? Ведь стихии тоже неотъемлемая часть природы.

ЛИТЕРАТУРА

- Борейко В.Е. (1997): Введение в природоохранную эстетику. Киев. 1-91.
 Лосев А.Ф. (1957): Античная мифология в ее историческом развитии. М.: Учпедгиз. 1-620.
 Лосев А.Ф. (1982): Сирены. - Мифы народов мира. М.: Сов. энциклопедия. 2: 438.
 Родригес де ла Фуэнте Ф. (1972): Африканский рай. М.: Наука. 1-174.

Украина (Ukraine),
 258300, Черкасская обл.,
 г. Канев, Каневский заповедник.
 В.Н. Грищенко.

* Интересно, кстати, дальнейшее развитие образа сирен. Дикие демонические существа превращаются в сладкоголосых мудрых сирен, каждая из которых сидит на одной из восьми небесных сфер мирового веретена богини Ананке, создавая своим пением величавую гармонию космоса (Лосев, 1982). Как и в случае с нимфами, отношение изменялось от ужаса и избегания к поэтизации.